

Т. Макаровских

ВАМПИР В НАСЛЕДСТВО

Будьте осмотрительней в социальных
сетях

Т. Макаровских

**Вампир в наследство.
Будьте осмотрительней
в социальных сетях**

«Издательские решения»

Макаровских Т.

Вампир в наследство. Будьте осмотрительней в социальных сетях /
Т. Макаровских — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835069-6

Что делать, если тебе в наследство достается особняк, расположенный в двух тысячах километров от родного дома? Продать, наверное. А если в подвале этого дворянского гнезда захоронен двухсотлетний вампир, жаждущий стать человеком? Убить — жалко. Жить с ним — страшно, а вдруг кровушкой полакомиться вздумает? Влюбиться — запросто, ведь кровопийца статен и хорош собой. Куда сложнее исполнить его заветное желание. Но для Натальи Вороновой нет ничего невозможного, даже за гранью фантастики.

ISBN 978-5-44-835069-6

© Макаровских Т.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

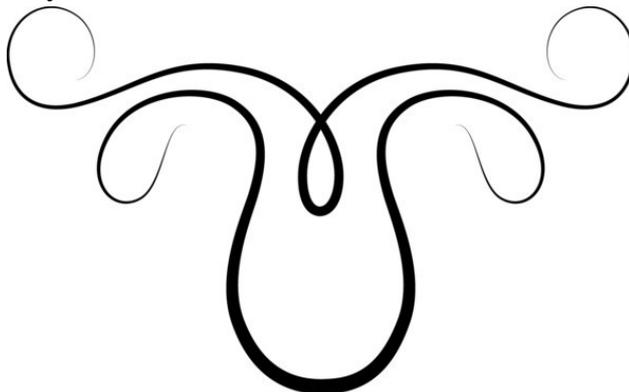
Вампир в наследство Будьте осмотрительней в социальных сетях Т. Макаровских

© Т. Макаровских, 2016

© Т. Макаровских, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-5069-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все персонажи вымышлены, а совпадения случайны...

Просьба не повторять описанные в романе трюки :)

Пролог

Смоленская губерния, 1814 год

Полная луна стояла над покрытым ивеем лесом. Ее серебристый свет падал на протоптанные жителями Ольховки тропки между домами, узкие вереницы собачьих следов, корявых снеговиков, слепленных ребятами в ноябрьскую оттепель... Стояли рождественские морозы, и редкий крестьянин осмеливался покинуть свою избу. Где-то в лесу заунывно выли хищники. Отчаянная девица, выскочила из дома на перекресток и, прильнув к земле, прислушалась. Интересно, услышала ли она звон бубенцов, сулящий скорое замужество, но вскоре она сорвалась с места и кинулась обратно в избу.

В рождественский сочельник во всех домах горел свет. Семьи собрались на праздничный ужин. Во всех, кроме одной, стоявшей на самом краю деревни, у кладбища в густом лесу. Там жила деревенская знахарка Аграфена Федотовна. Жилище молодой мудрой женщины старались обходить стороной. И только когда в дом приходила беда, Аграфена оказывалась первым человеком, к которому бежали за помощью. Первой, после батюшки, конечно же.

Черноволосая женщина лет сорока, в роскошном платке, расшитом громадными алыми цветами, сидела за столом. Тусклый свет свечи вычерчивал в темноте ее круглое розовощекое лицо и руки с полными пальцами. Напротив нее сидел совсем еще молодой улан, князь, бледный как смерть, с черными как две пропасти глазами.

– Князь, вас же убили! Дюжину дней назад! – в очередной раз повторила Аграфена, бледная как полотно. – Изыдите!

Она перекрестилась, плюнула через плечо, отмахнулась от него вязанкой чеснока, но он не исчезал.

– Изыди, нечистая сила! – прошипела женщина, испуганно глядя по сторонам и пытаясь припомнить, куда же она поставила осиновый кол. – Изыди! Не трожь мою дочь, забудь путь в эту избу. Сгинь! Сгинь, проклятая нечисть! И из села проваливай! Не то убью вас, барин!

– Аграфена Федотовна, – убитым голосом молвил князь, – вы единственный человек во всей округе, кто способен помочь мне. Да, меня убили! Но я не умер! За что мне это проклятье?

– Грешник вы, князь, оттого Бог не берет вас ни в рай, ни в ад! – снова перекрестившись, фыркнула Аграфена и посмотрела на икону в красном углу избы, откуда уныло с иконы на нее глядела Богоматерь. – Уходи. И деревню свою оставь!

– Мудрая женщина, подскажите, что мне с этим делать? Каждый раз, когда полная Луна восходит над Ольховкой, я просыпаюсь, меня тянет прочь из склепа, меня мучает жажда, жажда крови! Меня зовет убивать. Но я не хочу. Помогите мне, Аграфена Федотовна, пока я не уничтожил свою Ольховку. Всех моих сто двадцать пять душ!

– Упырь, значит, – ухмыльнулась знахарка, – только странный какой-то, на которого не действуют наши христианские заговоры. Чеснок, наверняка, жрете еще горстями. Страшный вы упырь, князь. Кол бы вам осиновый в сердце вколоть, да чует мое сердце, что и это вас не успокоит. Прогнала б я вас, да Ольховку спасти надо. Вернетесь вы и за собой всех крепостных уведете в свое царство упыриное. Зараза дьявольская! И кто вас так умудрился-то? Неужто тот румынский граф заезжий-то, что сбегал словно крыса паршивая? Но зачем ему? Человек, вроде бы, приличный.

Знахарка поставила напротив князя зеркало. Как она и ожидала, там отражалось все, кроме барина. Упырь. Вскоре две свечки были поставлены по краям зеркала, а пред князем женщина положила чистый лист бумаги и поставила чернильницу с пером.

– Вам не понравится мое заклятье, но вы обязаны его записать, не дрогнув. Вы должны сделать все, что я вам скажу. Я видела ваше будущее. Оно у вас есть. Но я не могу описать его.

В нем много вещей, которых я не знаю, в нем столько всего, чего я боюсь и не понимаю. Мне показали картинки. Непонятные моему разуму. Я видела вас среди живых, с той, которую вы любите. Но так будет, только если вы сейчас пожертвуете самым дорогим.

– Я согласен на что угодно, дорогая моя Аграфена Федотовна. Я хочу жить! И любить людей!

Женщина хитро посмотрела на упыря. Он готов был отдать все, что у него было, ей, крепостной крестьянке, чью мать приобрел пару десятков лет назад его отец. Такова жизнь. В один момент князь и его крепостной могут поменяться местами. И тот, кто носит титул, будет молить о спасении у того, кто пахал на него.

– Тогда ваш друг должен заколотить в твой гроб тринадцать серебряных гвоздей, повесить на него серебряную цепь с замком. Тоже серебряным. И ключ забрать себе. В качестве реликвии.

– Но как граф Андрей узнает об этом?

– А вы ему письмо напишите, от таинственного доброжелателя! – улыбнулась Аграфена. – Ладно, у нас мало времени, князь Дмитрий. Слушайте дальше. Потом. Он должен уехать. Подальше отсюда. В Сибирь. Чтоб его никто не нашел.

– В ссылку? За то, что был секундантом? Его судят?

– Нет, что вы, князь, – развела руками знахарка, – уехать, пока не расследовали вашу дуэль с румынским графом, уехать, чтобы спасти её! Вашу Оленьку! Он должен забрать княжну Ольгу с собой, он должен жениться на ней!

– Нет! – вскрикнул князь Дмитрий.

Он не хотел видеть свою возлюбленную ни с кем другим, кроме себя. Из-за нее он и принял вызов румынского графа. Из-за нее погиб. И теперь отдать ее, самое дорогое в его жизни, лучшему другу. Просто так. Жестоко. Отдать самое дорогое. Именно так сказала сельская ведьма.

– Да! – перечила ему Аграфена. – Мне было видение. Страшное. Ужасное. Представьте, князь Дмитрий, снежную целину, которой нет ни конца, ни края. И в этом безлюдном поле сидит ваша Оленька. Без титула. Обычная девушка. Просто Оленька. Она одета в широкие штаны и рубаху. Она каторжанка, ссыльная. Ноги ее в кандалах к деревяшке прикованы. Она стоит на коленях, в слезах вся, ревет, смотрит в небо звездное да вас, князь, оплакивает. Рядом с ней ваша румынка проклятушая. И в руке у нее – револьвер.

Князь, онемев от ужаса, слушал каждое слово крепостной крестьянки. Ему представлялась жуткая сцена. И если бы у него в груди билось сердце, кто знает, пережило бы оно такую весть о любимой невесте.

– Вы сами сказали, что готовы отдать все за жизнь! Сейчас вы мертвы, князь. Граф Андрей жив. Отпустите с ним возлюбленную! Чтобы злой рок не нашел ее. Иначе она станет такой же, как вы. Вы будете хищниками. Вы станете пить чужую кровь. И однажды ее найдут и сошлют в Сибирь. Где она встретит то, что явилось мне во сне. Вы не найдете ничего, кроме смерти! У вас не останется никаких чувств, кроме чувства жажды. Если любите, отпустите. Дайте ей полюбить, продолжить род... Только в этом случае ваша суженая найдет вас и освободит от проклятья. Помогите княжне Ольге скрыться от проклятья, что наложили на вас. Она любит. Она вернется. Когда придет время. Когда она сможет вернуть и тебя, и Ольховку. Когда она станет сильной женщиной, которую вы полюбите еще больше. Она за вас отдаст всё самое дорогое! Она не побоится смерти. И вы начнете жить заново. Как человек, а не как упырь. Вас заколдовали, на вас висит приворот. Вы стали рабом своей ошибки. Неопределенности. Вы не знали, кого любили. Потому и погибли. А теперь пишите завещание...

Глава 1

Снежная королева и ее королевство

*Ты такая нежная королева снежная
Распустила волосы по белым по плечам
Распустила волосы. но не слышно голоса,
Поцелуям заняты губы у тебя, губы у тебя.
Тимур Агасиев*

Златоуст, 2014 год

Узкая горная дорога извивалась змеей вокруг острых камней, исписанных многочисленными именами побывавших здесь туристов. Васи, Пети и Алёнки. Машки, Саньки и Катьки. Иры, Андрюхи и Вованы забрались на отвесные скалы с баллончиками, чтобы отметить: да, они в этом месте перешли из Европы в Азию или обратно. Почувствовали ли они при этом нечто особенное? Нашли ли портал из одного континента в другой? Скорее всего, да. Иначе бы не стали увековечивать себя корявыми надписями на камнях. На серую, с двойной белой полосой дорогу взирали с высоты, пробившиеся сквозь скалы худощавые березы, маленькие, но сильные сосны. Слабый ветер, очутившийся между горных хребтов, ласково смахивал снег с веток деревьев. Отчаянная рысь бежала, ловко минуя сугробы, вдоль трассы в поисках выброшенной людьми на обочину пищи. Она мечтала об одном: перевернулась бы где-нибудь на вираже фура с колбасой. Но вдруг животное резко остановилось у обочины и замерло, словно статую.

Бешеной бурей пронесшаяся черная иномарка с закрепленным на верхних ряях сноубордом подняла столб искристого снега с обочин и, со скрипом тормозов войдя в поворот, через секунду скрылась за ним. Засыпающий водитель фуры «Гипермаркет МОЙ» встрепенулся, когда низковатая для гонок на российских бездорожьях машина, подрезала его и умчалась прочь. Но мечта рыси снова не сбылась. Фура не перевернулась. Печально. Совсем зимой проголодаться можно.

– Эх, Наташка-Уреньга, безбашенная девчонка, – проворчал дальнобойщик то ли себе под нос, то ли желая обсудить водителя черной иномарки со своим сменщиком.

Но тот беспробудно спал после ночного путешествия через уральский хребет в обнимку с резиновой полуторамертовой Барби в фуфайке.

О Наташке по прозвищу Уреньга, приписанному ей в честь самого опасного перевала на трассе, не знал только начинающий дальнобойщик. Как выглядела эта бестия, никто не видел. На сайте дальнобойщиков водители выложили около тысячи фотороботов безумной девицы. Все были наслышаны о старинном черном Скайлайне со сноубордом на крыше. Машина со сшитым яркой розовой проволокой задним бампером молнией летала по самым опасным горным дорогам по ночам. За рулем сидела невысокая блондинка с длинным хвостом, по слухам, звали ее именно Натальей и было ей около двадцати лет. Но кто она, откуда, и зачем девчонке бросать вызов смерти чуть ли не каждую ночь – никто из проезжих сказать не мог. Потому биография Наташки обросла самыми невероятными подробностями вплоть до абсурда, что она внебрачная дочка Шумахера и одной из челябинских поклонниц Формулы-1. Среди дальнобойщиков ходили легенды, будто женщина на гоночной машине и вовсе призрак гонимости, покровительница водителей, которая не дает им заскучать и уснуть. Но почему девушка? Девушкам обычно свойственно приходить на соревнования по дрифту, и с замиранием в сердце смотреть, как парни поворачивают боком, поднимая столбы пыли,

брызг или даже снега. Нет, Наталья была не единственной женщиной в этом спорте. Но единственной, кто оттачивал свое мастерство на горной дороге. Высок риск сорваться, развернуться, врезаться во встречный транспорт, влететь в острые скальные стены. И еще этот чёртов сноуборд на крыше зачем-то таскала за собой странная девица. Скольких ловили, о скольких писали в Сети, но неуловимая Наталья бесценно оставалась призраком горных дорог на Урале. Многочисленные карикатуры и фотороботы с сайта дальнобойщиков ушли и в социальную сеть. Но они все были настолько разными, что вызывали по тысяче противоречивых комментариев «Не похожа! У нее сиськи больше». Догнать сложно, заляпанные грязью номера не распознать на записях видеорегистраторов.

Правдоискатели удивлялись, как только в местном ГИБДД не поймали комету за хвост и не лишили Наташку прав для ее же благополучия. Ловили, говорили знающие, но бесполезно всё это. Запишут безумную гонку по горным перевалам на камеру, пришлют, дескать, «письмо счастья», а через пару дней является к ним в управление худенькая блондинка, метршестьдесят ростом, смотрит на всех скучающим взглядом да обжалование протягивает, где говорится, что девушка она приличная, по ночам спит, так сильно на работе выматывается. Но машина ж её. Вроде бы, соглашается девочка, да потом показывает на распечатке скриншота наклейку с бампера или крыла, которой у нее на машине отродясь не было, и ссылается на атаку клонами. Глядят на эту жалостную картину и снимают с неё штраф в пять тысяч. И так постоянно. Один полицейский умудрился заснять на камеру визит Натальи с письмом счастья, но в Сети ему никто не поверил: дальнобойщикам «сиськи побольше» подавай. Так почему ж не возьмут с поличным. Пытались, не раз пытались, только после того, как одна патрульная Лада Калина на первом же вираже вписалась в скалу, в златоустовском ГИБДД решили не ловить призрака. Вот так почти безнаказанно и жила уральская гонщица, каждые несколько дней меняя наклейки на бортах машины да ссылаясь на таинственного неуловимого подражателя с поддельными номерами и точно таким же как у нее сноубордом.

Черный Скайлайн резко завернул налево с трассы в деревню. Дальнобойщики могли перекреститься. А рысь опечалилась, оставшись без колбасы и свежего мяса. Опасность миновала. Непредсказуемая? Нет, вполне предсказуемая. А для девушки началась вторая серия экстремального шоу – дрифт по деревне, за которой находился уютный уральский горнолыжный курорт «Снежное королевство». Как только в горах выпадал снег, жители деревни прекрасно знали, что на курорт начиналось целое паломничество туристов из близлежащих городов. Но черный Скайлайн, прозванный тут в шутку Черной Молнией, знали все. Как в средневековых городах все жители закрывали окна и двери, когда в них ступал кто-то опасный и чужой, так и жители этой деревни ретировались подальше от дороги, когда слышали характерный визг тормозов. И только любители фотографии стремились поймать в объектив виртуозно входящую в поворот машину и вздымающийся за ней столб снега, стоя на пороге продуктового магазина «В гостях у йети», который построили в самом повороте.

– И чего она сюда ездит, как на работу? – ворчали местные. – Вроде и трассы там, говорят, так себе, короткие да пологие, а цены для детей миллионеров.

– На работу и ездит, – ходили слухи.

Наталья Воронова и, действительно, работала в горнолыжном курорте «Снежное королевство». Но не инструктором по сноуборду, как думали многие в деревне. И не каскадером-фрирайдером, как считали в шутку дальнобойщики. Она была заурядным бухгалтером, хотя и устроилась на работу специально туда, где можно было приобрести корпоративные скидки на скипасы по зимним выходным. Да-да, на эти невзрачные пластиковые карточки, за которые туристы отстёгивали в «Королевстве» круглые суммы, Наталья не платила ни копейки, она могла весь сезон жить на курорте и оттачивать мастерство катания на любимой доске. Нельзя сказать, что Воронова родилась в бедной семье и не могла себе просто позво-

лить купить билет на подъемник. Но родители совсем не поддерживали ее опасных увлечений, а зарплаты девушки пока хватало только на бензин и постоянный тюнинг.

Вся череда безумных увлечений девушки началась, когда отправленная матерью записываться в секцию балета восьмилетняя Наталья специально ошиблась дверью и записалась в кружок стрельбы из лука. Потом вместо равнинных лыж в десять лет девчонка записалась в секцию катания на горных. И тоже совершенно случайно. Отцу удалось-таки устроить ее в коллектив балльных исторических танцев, но терпения Натальи хватило на одно занятие, где разучивали нудный полонез. Хождения с мальчиками за ручку из угла в угол настолько разочаровали девочку, что уже через неделю, она скакала в коллективе брейк-данса. Но родители не сдавались, пытаясь хоть как-то оградить дочь от опасности и вырастить из нее утонченную натуру, королеву. Королева и получилась: заснеженных дорог да горнолыжных трасс. Единственное, что смогли привить девушке родители – любовь к творчеству Лермонтова. И то, потому что Печорин – такая душка.

– Ты, как и твоя мать, должна выучиться на бухгалтера! – заявил отец, когда Наталья закончила школу.

А та, хоть и птица свободного полета, но знала место мужчины в доме. Он хозяин, он глава семьи. Его мнение важнее ее свободы. Она будет летать, расправив крылья. Но она вернется к своему хозяину.

– О-кей! – скривившись от недовольства, выдавила она, представляя себя скучным счетоводом в захудалом офисе.

И тут же вспомнила, что бухгалтеры нужны везде.

Родители и не думали, что она отдаст документы на экономический факультет. Слишком самостоятельной выросла их дочка. Это дикая рысь родилась и выросла в горах. И она не могла без гор, опасных, но нерушимых. И покорность Вороновой отцу немного не вписывалась в ее взрывной образ. Любительница бешеных скоростей, отчаянных полетов и свободы в семье была самой обыкновенной унылой занудой: спокойной и рассудительной. Отец спорил с матерью, что дочь вернется из университета с распиской о сдаче документов либо на факультет журналистики, либо физкультуры... но Наталья послушно подчинилась воле родителей. Недолго отец праздновал победу, потому что дочь в тот же вечер заявила:

– Я знаю, папа, что значит для вас с мамой «наследственный бухгалтер». Я оправдаю ваши ожидания. Не опозорю ваш род. Но вы не убьете во мне рысь. Позвольте мне в свободное время заниматься тем, что мне нравится... И работать я буду по специальности, но там, где мне хочется!

Дрифт да сноуборд, а еще стрельба из травматического пистолета, – одно увлечение опасней другого. Девушка компенсировала ими те скучные моменты в ее бурной жизни, когда ей приходилось учиться писать проводки, вводить в компьютер тысячи строк похожей информации и воевать с не совсем дружелюбной «Один-эской». Днем она, одетая в наглаженную белую блузку и юбку-карандаш, выполняла всю однотипную работу, зато вечерами она становилась собой, расправляла крылья и вволю давала выход своей бурной энергии. Никто б и не подумал, что бестия ростом в метр с кепкой в рыжей шапочке с кошачьими ушками, в спортивной куртке и черных кожаных штанах – та самая скучная картинка-блондинка в туфлях на высокой шпильке из офиса. Отец больше не перечил, хотя и твердил постоянно, что благородным девицам не по статусу искать неприятности на все части тела. Нет, он вовсе не боялся, что если он запретит дочери заниматься экстримом, она не станет бухгалтером. Наталья все равно выучилась бы, из принципа, потому что она упрямая. И из уважения к отцу. Ей надо было когда-то успокоиться, усмирить ту бурю, что рвалась наружу из ее души и сердца.

Отец знал, что недалек тот момент, когда Наталье придется успокоиться. Иначе она сгорит дотла. И этот день настал за месяц до Нового 2015 года.

Андрей Воронов, пятидесятилетний интеллигент, заводской главный бухгалтер, сидел в кресле-качалке напротив телевизора и наблюдал за захватывающей игрой в хоккей любимой команды с известным московским клубом. Когда хлопнула дверь в прихожей, он вздрогнул, но не обернулся. Заставил его встать яркий свет, который включили в гостиной.

– Наталья? – приподняв очки-половинки, отец посмотрел на дочь, которая совсем не свойственно для своей натуры, робко топталась в дверях и, словно хотела сказать многое, но с чего начать – не знала. – Что случилось, дорогая?

– Заходи, – не глядя на отца, сказала девушка.

Она отошла от двери и явила взору отца высокого крепыша в потертой кожаной куртке.

Андрей окинул подозрительным взглядом нежданного гостя. Обычный парень, ничем не примечательный. Таких на улицах Златоуста, особенно в рабочих районах, можно встретить на каждом углу. И лица не запомнить, обделенного не только мало-мальским обаянием, но и интеллектом. От парня тянуло никотином так, будто он только что перед подъездом выкурил пачку самых дешевых сигарет.

– Папа, это Костя, – сдавленно сказала дочь, не спуская с отца умоляющего взгляда.

– Приятно познакомиться, – Андрей протянул парню крепкую мужскую руку и пожал его серо-бурую рабочую ладонь. – Проходите, располагайтесь, Константин.

Хотя на лице отца явно читалось другое – он пребывал в недоумении, как подобное существо с невымытыми руками, в старых трениках с белыми лампасами, небритое и прокуренное, посмело переступить порог его квартиры! Квартиры, доставшейся Андрею от отца, тоже главного бухгалтера, того же самого завода. Слово его дочь привела ему его же крепостного и заявила: «Папа, это граф!» Нет, не такого короля отец представлял для своей снежной королевы.

Медвежьей походкой Костя вошел в комнату и плюхнулся в первое попавшееся ему кресло. И рядом с ним тут же ласковой рысью устроилась на качалке Наталья.

– Папа, – девушка улыбнулась, глядя на озадаченного отца, – лучше сядь, нам надо обсудить очень важный вопрос.

– Я... кажется, догадываюсь, о чем пойдет разговор! – попытался начать отец, глядя на странного гостя.

Он совсем не подходил для темы разговора. Точнее, отец ожидал видеть на месте Константина кого-нибудь другого.

– Ну, папаша, не томи, я человек занятой и длинных прелюдий не люблю! – сразу стоило догадаться, что суровые уральские мужики предпочитают дело разговору, они привыкли действовать, брать всё, что они любят, нахрапом, а если оно не дается... лучше бы отдалось.

– Папа, я хотела познакомить тебя с Костей, потому что...

– Потому что мы решили пожениться! – угрюмо изрек парень. – Ты со мной так не мямлила, а была более боевой, Наташка.

– Ну да, – поджал губы отец, – от тебя я именно этого и ожидал, правда, не с обычным парнем, а с чемпионом по фрирайду.

Андрей слишком самоуверенно решил за дочь: если она однажды и приведет домой своего избранника, то это будет какой-нибудь бугай-сноубордист, румяный, упитанный, но такой же безголовый, как и Наталья. А если бы дочь не выбрала сноубордиста, то наверняка остановилась бы на романтичном байкере из Екатеринбурга, приезжавшим на три дня уходящего лета на рок-фестиваль. Или, может быть, оказался бы мил его дочери велосипедист или паркурщик. Либо хозяин яхт-клуба на Тургояке: такой татуированный блондин с длинной косой: по нему сходили с ума тысячи девчонок, но красавчик до сих пор был одинок. Но... никак не простой работяга с завода, от которого воняло пивом и сигаретами. Обычный мужик. Да, он и кран дома починит, и мебель соберет, и автомеханик не понадобится. Но что она в нем

нашла? Он ей совсем не подходит! Или просто испугалась отказать? Или Наталья придумала какую-то интригу с участием этого, совсем не подходящего ей парня.

– Но мы любим друг друга! – выдал заезженную многими фразу Костя. – Если вы против, я увезу свою женщину силой.

– Женщину?! – разъярился отец, он давно искал слово, за которое мог бы зацепиться, и оно само выплыло. – Ты сказал, что сделал из моей дочери женщину?

– Еще чего! – возмутился Костя, нахально улыбаясь. – Если бы она ею не была, я б ее и братъ-то не стал.

Возможно, этот мужик гораздо умнее, чем Андрей предполагал. Он говорил двусмысленно, заставляя отца задавать лишние вопросы, разводить словесную перепалку. Но отец понял, что пора остановиться, а не поддаваться на подколы нахального работяги. Такого не пригласишь за стол выпить за первое знакомство. Он явился, чтобы поставить родителей перед фактом.

– Папа... это правда, и мы пришли просить моей руки, – голос Натальи после всего только что сказанного звучал наивно и как-то совсем по-детски, словно она собиралась выйти не за сурового мужика, а за дистрофичного анимешника.

– А если я скажу «нет»? – улыбнулся Андрей, и тут же поймал хищный взгляд Константина. – Сбежишь из дома. Или он тебя похитит?

– Чё, отказываете? – ухмыльнулся Костя и нахально хихикнул. – Ну, будем тогда не расписавшись жить.

– Ну что вы, – успокоил молодых отец. – Прежде, чем благословить вас на брак, есть у нас в семье одно важное дело. Наталья, милая, мама меня поймет, не смотри на меня так, словно я руками разломал твою лыжину на две части. Константин, дорогой! – отец смотрел то на дочь, то на жениха, от одного вида которого мурашки бежали по коже. – Думаете, я так просто отдам вам свою дочь? Нет! И мать я познакомлю с будущим мужем моей дочери. Когда пойму, что это он.

Парень нахмурился и сжал кулаки, он хотел было брякнуть что-то хамское, но Андрей его опередил:

– Дорогой Константин, вам придется немного подождать, пока графиня Воронова не получит свое приданое. Вы в это время сможет проявить себя как настоящий мужчина.

– В смысле, папа?! Что за бред! – встрепенулась Наталья.

– Пока ты не получишь приданое, о замужестве и думать забудь! – уверенно заявил отец, хищником глядя на прокуренного жениха.

Тот даже вжался плечами в твердую спинку кресла, получив такой отпор собственному нахальству.

– У моей дочери есть миллионное наследство, да будет вам известно, Константин! – разошелся отец. – И я не отдам его в руки первого встречного!

– Я не первый встречный, я настоящий челябинский мужик, зачем-то переехавший в Златоуст! Да я метеориты голыми руками ловил! – подался вперед Костя, в его глазах пылал огонь ярости, кулаки сжались, и он как бы желал забодать несговорчивого папашу.

– Вот и докажете, Константин! – парировал отец. – Поедете с Натальей за в Смоленск. Ей понадобится защита, мужское плечо, на которое можно опереться. А когда вернетесь, и свадьбу справим.

– А можно покороче, а, папаша?

– Можно! – смело заявил отец.

– Нуууу... – протянул Костя.

– Уходите и забудьте о моей дочери.

– Нет, чувак, так не пойдет. Лучше я сметаюсь за миллионами. Хоть кредит брать не придется на бэу и хоромы.

Андрей обреченно вздохнул. Не такого мужа он представлял в жизни Натальи. Но этой бестии перечить невозможно: пока дочь сама не поймет, как ошибается, она не бросит этого странного человека, способного запросто поднять на нее руку. И где она только его отыскала? А путешествие за наследством – лучший способ проверить порядочность и искренность чувств работяги Кости.

Тем же вечером, когда любимый жених был провожен до дома, дочь пришла к отцу. Он никогда не был таким странным как сегодня. Может, потому, что Наталья никогда не говорила о своем будущем.

– Наташа, – сказал отец, не вставая из кресла, он спиной чувствовал, что дочь стояла неподалеку. Ходики отсчитывали секунду за секундой. – Даваем-давно, когда ты была маленькой, мы рассказывали тебе сказку о графине, которую благородный рыцарь увез за горы, чтобы спрятать от чудовища...

– Папа, расскажи, что ты задумал, откуда ты взял это громадное наследство? Или тебе просто не понравился мой сильный Костя?

– Оно у нас уже двести лет как есть, доченька, – чуть слышно сказал Воронов. – И оно оставлено именно тебе. Ты последняя в роду графов Вороновых, кто носит эту фамилию. Когда ты станешь Попковой, как Константин... лишишься завещанных тебе богатств.

– Пафосно и странно, – пожала плечами Наталья, садясь рядом с отцом и выключая телевизор.

Комната тут же погрузилась во тьму, которую нарушали только редкие огни зажженных напротив окон и фонарей.

– Я и сам считаю, что это странно. Но друг моего далекого предка оставил завещание именно с такой формулировкой. Сначала я хотел тебе подарить его на совершеннолетие. Но решил дать тебе доучиться, повзрослеть. Теперь вижу, что больше нельзя ждать. Как только ты станешь Попковой, ты лишишься фамильного особняка в Ольховке. Тогда пусть он станет вам с Костей приданым.

– А где та Ольховка?

– В Смоленской губернии, – поджав губы, отец протянул старинный скрепленный восковой печатью двухсотлетней давности листок и серебряный ключ на красной атласной ленте.

Для получения такого наследства бесполезен любой нотариус. И если родовое поместье графов Вороновых не разрушили во время Великой Отечественной и не оприходовали большевики, сделав там дом культуры или театр, только тогда у Натальи оставался шанс получить разрешение на приватизацию дворянского гнезда. Она бережно развернула листок, и перед ней предстал рукописный текст, выцветший со временем, написанный на старославянском языке вычурными буквами с завитушками. Сквозь века к ней обращался некто князь Дмитрий Ольховский, двадцати пяти лет от роду, улан Смоленского полка, участник Отечественной войны 1812 года.

Дорогой наследник графа Воронова! При жизни граф был моим лучшим другом. А так как у меня нет ни братьев, ни детей, то сим документом я удостоверяю, что мое родовое имение в Смоленской губернии (и всё, что в нем находится) и сто двадцать пять душ крепостных крестьян, сорок лошадей, пять коров, три быка и пахотные угодья переходят в Ваше единоличное владение с момента прочтения этого документа и обретения Ключа.

Не предполагал князь Ольховский, что через двести лет между завещателем и получателем появится целая пропасть, которую предстояло заполнить бюрократическими бумагами. Сто двадцать пять душ крепостных уже давно умерли, а их потомки уже совсем не крепостные крестьяне. И разъехались, наверняка, из этой Ольховки в большие города.

– Жалко, – вздохнула Наталья, – князь даже GPS-координат не оставил. Интересно, а в гугл-картах деревня эта найдется? А есть фотки из Инстаграммы?

– Учти, дочь, – поднялся из кресла отец, – пока ты не оформишь этот особняк, я не дам тебе благословения на брак с Константином. И у матери не проси. От деревни осталось одно название. И особняк. Хочешь фотки в Инстаграмму – сделай их сама. Хочешь, чтобы все находили Ольховку в Гугле – опубликуй там ее координаты.

Это означало одно – бойся Бога. Кого-кого, а умника на небесах Наталья чтит со всей искренностью, и замуж даже за очень сильно любимого мужчину без благословения отца не собиралась. Но как мудр оказался Андрей Воронов, когда сказал Косте про миллионы. Этот парень мог запросто растоптать все жизненные принципы Натальи, но ничего не проверяет человека лучше, чем внезапно свалившееся на его голову многомиллионное наследство!

Но самое главное перед тем, как отправиться невесть куда непонятно зачем – написать статус в социальной сети: «Мне привалило наследство графа Ольховского. Особняк и крепостные крестьяне, 125 штук! Завтра отправляюсь за кладом!» И всенепременно выложить на стену фотографию со смартфона: старинное письмо и серебряный ключ. Чтобы никто не подумал, будто Наталья Воронова ударила головой на трассе и начала фантазировать.

Смоленск, конец 1814 года

Особняк князя Дудинского располагался в самом центре Смоленска и считался любимым местом для балов дворянского сословия всей губернии. Не прошло и двух лет, как отгремели бои Отечественной войны на этих землях, а замерзшие до кончиков ушей французы с позором бежали в Европу. Итог войны был предрешен, но армия билась в предсмертных конвульсиях. Я вместе со своим другом и сослуживцем графом Андреем Вороновым вынужден был завершить свой боевой путь в Лейпциге и вернуться домой. Судьбе было угодно, чтобы я получил боевое ранение именно там, где Наполеон был разгромлен в пух и прах. Мы с Вороновым прошли и Бородинское поле, и вышли оттуда живыми и невредимыми. А тут произошла попросту нелепость, и я сильно повредил бедро. Воронова командировали сопровождать меня до родового поместья, где мы и задержались до самого нового года. 1814.

К концу декабря я уже ходил, не прихрамывая на левую ногу, и мог даже вальсировать с дамами. Потому мы с графом Андреем с радостью приняли приглашения от старого князя Дудинского, собравшего весь свет губернии в своем особняке. Мы думали еще, не отправиться ли нам в Петербург, к сестре Воронова, и не сходить ли там в какой-нибудь из салонов. Но потом началась метель, и новогодний бал у Дудинского стал единственной возможностью хорошо отметить Новый год в светской компании.

Честно признаться, после войны мне не очень-то и хотелось ходить по балам. Я с нетерпением ждал весны, когда смогу, наконец, уехать обратно в Европу. К ней, странной молчаливой девушке Дэйкиэне из румынского замка, которую встретил прошлой весной в лесу рядом с одной из деревень. Ее красоту невозможно передать словами. Она была изящна как грациозная хищница, ее длинные черные волосы, заплетенные в косы, обрамляли смуглое курносое личико с большими карими глазами. Ее бархатные ресницы, алые губы, аккуратная грудь, под кружевной блузкой... Скромная, но в то же время, как мне показалось, дерзкая. С ней не сравнится ни одна дворянская дочка из Российской Империи. Дэйкиэна. Она не крестьянка. Крестьянки не носят бархатных платьев, расшитых золотом, и плащей с отделкой из волчьего меха. И лицо у нее благородное. Я ее никогда не смогу пригласить на тур вальса, но не это в жизни главное. Эта женщина живая, в отличие от юных княгинь да графинь, которых мне сегодня предстояло увидеть. От девушек, выученных и воспитанных по одной схеме, которые разговаривали заученными фразами, и для которых жизнь была давно расписана по часам до самой смерти.

– Дмитрий, – окликнул меня друг, – ты слишком много думаешь об этой австрийке.

– Румынке, – поправил его я. – Австрийки страшнее самой Бабы Яги, на них бы я и не посмотрел вовсе. Потому что она лучшая, *top ami*.

Не пойму, почему, но граф Андрей слишком настороженно отнесся к моим рассказам о Дэйкиэне, о том, как мы гуляли по лесу и поднялись в гору, и я проводил ее до входа в замок. Дальше она меня не пустила. А на следующий день наш отряд должен был покинуть деревню, рядом с которой жила графиня Дэйкиэна. Я ей обещал, что вернусь на обратном пути, но пуля-дура рассудила иначе, и ехал я домой в карете через Варшаву и Минск, всей душой стремясь очутиться где-то под Бухарестом.

– Она тебя околдовала, – только и твердил Андрей, как я начинал живописать свою дражайшую Дэйкиэну.

Я ничего не брал из ее рук, ничего не пил и ни к чему не прикасался. Я только смотрел в ее бездонные влюбленные глаза. Но она даже не позволила поцеловать ее и убежала, не оглядываясь. После той встречи я понял, что искал эту девушку всю жизнь. Искал не там, на балах вроде того, что сейчас проводил Дудинский. И встречал только мёртвых кукол.

Мы с графом Андреем, как и нынче, приезжали на карете и, заплатив кучеру полагающееся ему жалование, торопились в особняк, где уже начинали собираться гости, звучала прекрасная музыка. О, Иван Дудинский отличался отменным вкусом и приглашал всегда самые лучшие оркестры в свое собрание. Так и в канун 1815 года у него играли приглашенные московские скрипачи. Музыка была ненавязчивой, а просто создавала чудесную атмосферу праздника. Особенно я любил Моцарта. И в этом мои вкусы совпадали с князем Дудинским. Мы с Андреем, взяв по бокалу вина, решили уйти подальше от входа, где на меня, статного улана, да еще и при орденах, уже начали заглядываться какие-то дворянские куколочки-дочурки. Друг мой, как ни странно, страдал от неприметности и невзрачности, был он невысокого роста и немного лысоват уже в свои двадцать пять. Потому, несмотря на не меньшие заслуги на службе, девушки в первую очередь смотрели именно в мою сторону. Да, от гордости не умру, в сторону высокого широкоплечего молодца с густой русой челкой и, как обо мне писали в своих альбомах дамы, огромными серыми глазами, в которых можно утонуть, словно в омуте, девушки смотрели с большой надеждой на скорое замужество. Я бы такой вакханалии эпитетов в рассказе о себе, точно бы, не позволил.

Мы с графом Андреем предпочитали некоторую игру с юными дамами. Являясь оба отменными танцорами, мы не стремились знакомиться во время танцев, что считалось для родителей прекрасных девушек лучшим способом отдать их красавиц замуж за именитых женихов. Не сказать, чтобы я совсем не хотел жениться. Мне не хотелось жениться на глупышках, которые только и умели, что писать ерунду в альбомах, играть заученные этюды на рояле и надоедать болтовней на французском. Мне было бы скучно сидеть вечерами в гостиной и восторгаться, что моя жена выучила еще одно стихотворение французского поэта. Хотя, многие дворяне были от этого на вершине блаженства. Конечно, меня, как истинного дворянина, с ранних лет мучили сим гнусавым и противным моему духу языком, я по привычке вставлял обращения на нем, но чтобы выдавать целые монологи и хвастаться перед остальными своим словарным запасом, извольте, лучше выскажусь прямо и на русском, могу и прямо, и грубо, лишь бы точно. А французский с ужасным русским акцентом я не переносил. Я искал себе в жены живую женщину, активную, а не шарманку с набором стихотворений и заученных мелодий в памяти. Потому, наверное, мне и приглянулась румынка, что она, не понимая от меня ни слова, не верещала без умолку, обсуждая недавние балы и наряды ее подруг. С ней было тепло и уютно. Она просто шла рядом и улыбалась, собирала полевые цветы, разговаривала с птицами да мелкими зверьками. Этакая матушка-природа. И я хотел бы всю жизнь провести с такой женщиной.

Но есть и среди русского дворянства необычные девушки. И с одной из них меня познакомил князь Шолохов, невысокий поджарый мужчина с густой золотистой бородой, деликат-

ный и немногословный. Он подошел к нам с графом Андреем сразу, как музыканты начали исполнять свой первый вальс на этом балу, а нетерпеливая публика уже бросилась в пляс. Кто-то аплодировал, кто-то не обращал внимания и продолжал свои светские беседы. В зале стояла приятная прохлада, когда просто хотелось расслабиться и ничего не делать, слушать чудесную музыку и наслаждаться каждым аккордом. Но князь Шолохов нарушил мое единение с прекрасным. Рядом с ним стояло совсем еще юное создание, не испорченное светскими традициями. Такое же простое и в то же время элегантно, как и сам князь. С живой улыбкой на лице и чуть заметным розовым румянцем. Ей не было и шестнадцати, она была худа и нескладна – тощие ручки в несурзных белых перчатках, изящное голубое платье на белой ленте, завязанной под лопатками в роскошный бант, невообразимые золотые локоны, спадающие на обнаженные плечи... И чудесный фиалковый запах ее таких же ненавязчивых как и она сама духов. Ее милому овальному личику передались по наследству суховатые черты князя Шолохова, сделав девушку еще более привлекательной в моих глазах. Настолько привлекательной, что ее обаяние могло запросто затмить красоту Дэйкиэны. Она стояла и ёжилась от холода. Это мне в камзоле прохлада была приятна, а девушка, если ее никто не пригласит танцевать, просто простынет здесь. Маленькая, мне до плеча, тоненькая как соломинка. Она настолько юна и беззащитна, что может сломаться на сильном ветру. Ее надо брать к себе и защищать, пока ее не испортили и не воспитали очередную куклу для светских нудных бесед.

– Извольте пригласить вас, – граф Андрей, оказавшийся не намного выше прекрасной мамзель, проявил инициативу и поклонился перед дочкой князя Шолохова.

Но ее широко распахнутые синие глаза восторженно смотрели прямо на меня. И она словно не слышала приглашения от моего друга. Знала бы она, что в румынском замке меня уже ждет прекрасная Дэйкиэна. Нет, наверное, уже не ждет. Просто раньше я не знал княжны Шолоховой. Которая была ближе и понятней странной румынки.

– Ольга! – одернул девушку отец. – Граф Воронов изволит пригласить вас на танец.

– Oui, – как всегда по-французски, выдала девушка, покорно кивнув, и вот еще одна пара выпорхнула на паркет и закружилась под приятную на слух австрийскую музыку.

– Она прекрасна, князь? – пихнул меня в бок князь Шолохов, с великим достоинством глядя на танцующую пару. – Я бы хотел видеть ее вместе с вами.

И я бы хотел. Мне не нужна глупая кукла, знающая только французский словарь и движения вальса, мазурки или полонеза. Мне нужна самая лучшая из женщин. И мне кажется, что князь Шолохов воспитал именно ту мечту, которая мне нужна.

Меня словно околдовали, когда княжна Ольга попала в мои объятия. Маленькая и хрупкая, которую мне хотелось защищать, которую я боялся сломать или задавить, она сделала со мной нечто невообразимое. То «oui» было единственным ее французским словом. Она во всех подробностях выспрашивала меня во время танца о героических походах русской армии, и только изредка вставляла услышанное в воспоминаниях от отца.

– Я первый раз на балу, – покраснев и спрятав взгляд, вдруг сказала она, – потому и несу всякую ерунду. Вам, должно быть, не интересно говорить с женщиной о войне и интересней, когда вам рассказывают прекрасные стихи.

– Отчего же, – совсем отрешившись от эмоций, заявил я, вдыхая прекрасный фиалковый аромат ее духов, – мне куда скучнее обсуждать прочитанные вами любовные романы, ваши стихи из альбома и имеющиеся у вас платья. Война мне намного ближе. И мне интересней общаться с живым человеком, а не слушать чьи-то стихи в вашем воспроизведении.

– И вы, получается, не ведете альбом? – ее лицо вытянулось от удивления.

Наивная девочка. Она еще совсем девочка, которая кроме альбомов и рассказов отца ничего в жизни не знает. У меня совсем нет времени записывать свои мысли и переживания. Прожитое на то и прожитое, что его не надо доставать из закровов. Надо жить дальше, будущим, а не прошлым. Женщины склонны к воспоминаниям. Даже сильные женщины.

– А ваш отец, Оленька, ведет альбом?

– Нет, – покачала она головой.

– Вот и я не веду. Потому что предпочитаю жить, а не переживать, мон шэр.

И тут она, немного смутившись, тихо-тихо спросила:

– А если я напишу в своем альбоме про вас и нарисую ваш портрет, вы очень сильно расстроитесь? А еще я пишу стихи. Но отец считает это зазорным для барышни. Ведь барышня не может писать лучше лорда Байрона. Вы прочтаете мое стихотворение про вас?

Отчего же? Думаю, это будет не первая запись в альбоме, посвященная мне. Да, первая в стихах собственного сочинения. Отцу не нравилось, что дочка занимается творчеством. Надо поскорее забирать ее от отца, пока он не превратил ее в зануду. Пусть пишет стихи мне. Свои. Которые никто, кроме меня, читать не будет.

Я не отвечал ей. Предпочел танец, почувствовать движение, полёт, её. Нет, какие-то воспоминания все еще были с Дэйкиэной, хотя большая часть моей души была рада этому воздушному танцу с Оленькой Шолоховой. Мои большие сильные руки аккуратно держали ее крошечные холодные ладошки, тоненькая и изящная, она словно вела меня. Хотя я был прекрасным танцором. Ее гибкая фигурка завораживала, ее очаровательное припудренное личико не могло не влюбить в себя. Я даже на момент представил, что в моем особняке будет висеть ее портрет, рядом с моим. А вокруг – портреты наших пятерых детей. Князей Ольховских. И нам было бы хорошо. Я бы отучил ее от глупого занятия писать в альбом. Я б воспитал ее для себя и сделал лучше любой Дэйкиэны. За ней не надо ехать в Румынию. Она есть. Здесь и сейчас. И отец доверил ее мне.

– Ну так? – она все еще ждала ответ.

– А зачем вы напишете про меня? – мне не хотелось давать однозначного ответа. Мне интересней было заставить ее задуматься над необходимостью записи воспоминаний как таковых.

– Потому что я влюбилась! – в этот момент прозвучал финальный аккорд, и она улетела к своему отцу. Оставив меня столбом стоять посреди залы, ошеломленного.

Она влюбилась. А я? Наверное, полюбил.

Глава 2

Лучше на дорогу смотри, шофер

*Ветер за кабиною носится с пылью
Слева поворот осторожней шофер
Как-нибудь дотянет последние мили
Твой надежный друг и товарищ мотор
Г. Никитинский*

Трасса М5, где-то в Оренбуржье, 2014 год

Черный гоночный Ниссан Скайлайн стрелой мчался на запад. Непривычное направление. Обычно Наталья летала на машине в «Снежное королевство», в противоположную сторону. Девушка ни на минуту не задумывалась о мыслях дальнобойщиков на ее счет. Пускай гадают, что ей понадобилось в Башкортостане, если не дальше. Будет новая популярная тема для обсуждения на их форуме. Рядом с Натальей на пассажирском сиденье вальяжно развалился бугай в скрученной в баранку черной вязаной шапочке. Открыв окно, он сбрасывал пепел с сигарет, вышвыривал окурки и упаковки от съеденных бутербродов.

– Не бросай ничего на дорогу! – ругалась девушка. – По-жа-луй-ста!

– Что ты как маленькая, а? – уныло твердил Костя. – Никому ничего не будет от этой х... реновой бумажонки.

– Я могу рассказать, как однажды мне в лобовуху чуть бутылка от пива не прилетела.

– Ты меня за козла не держи, ладно? Я на трассе только алюминиевые банки кидаю. Не нравится, дай порулить, а то мне скучно.

– Только через мой труп, – стиснув зубы, процедила девушка.

Она и сама не понимала, что нашла в Косте. Она и не любила-то его толком. И встречалась с ним из принципа, чисто чтобы показать подругам, что и у нее, занятой и неугомонной, тоже есть любимый мужчина. И выбор у нее неожиданный. Наталья и встретила-то его нелепо. В интернете на сайте знакомств, когда ее бросил один местный велосипедист, девушка написала от отчаяния, что выйдет за первого встречного. Пришлось держать слово перед этим первым встречным, оказавшимся на шесть лет ее старше, каким бы несносным и неотесанным он не был. Послать его подальше девушка струхнула. Конечно, Воронова в глубине души представляла своего избранника высоким блондином с густыми прямыми волосами, голубоглазого, с серьезным и в то же время любящим, заботливым взглядом. Он, несомненно, обращался к девушке с галантной улыбкой, водил ее везде под руку, и относился к ней с уважением, которого достойна королева. Принц, в общем. И златоустовский работяга, поймавший Наталью на слове, вряд ли этому принцу годился хотя бы дворники. Никто не понимал этого увлечения Натальи. Велосипедист Петька решил, что с Костей она просто ходит мимо его дома, чтобы позлить бывшего, а подруги попросту подумали, что и в любви Наталье захотелось чего-то остренького и напористого, раз выбрала себе этого отмороженного. Не сказать, чтобы все работяги с завода были невоспитанными и хамоватыми. Да и сам Костя, суровый на вид, порой вел себя словно добрый великан Шрек. И Наталье понадобился именно этот экземпляр, суровый и угрюмый. Присутствие Кости в машине – это расплата Вороновой за то, что она слишком опрометчиво разбрасывалась словами. И девушка стойчески терпела последствия собственной глупости, с трудом удерживая Попкова на относительно почтительном расстоянии от ее тела. И втайне она надеялась, что этот парень не выдержит поездки за наследством.

Наталья гнала. Гнала без устали. Несмотря на правила дорожного движения и возможно развешенные скрытые камеры. Две с лишним тысячи километров дороги ей предстояло терпеть Костю. Если гнать и не спать, за полтора суток можно добраться до Ольховки. Это

невозможно, рано или поздно придется остановиться в мотеле, но Наталья пока предпочитала не думать об этом. Главное купить жениху отдельный номер и не пускать его в свой. Пожалуй, именно из таких мужчин как Костя, упертых фантазеров, которые почему-то считают девушку рядом с собой исключительно своей собственностью, получают рогатые мужья, думала Воронова. Сначала женщины выходят за них, кто на спор, кто как за последний шанс, а потом все равно продолжают поиски Их, Принцев. Таких! Особенных! Голубоглазых блондинов во фраках! С белым Мерседесом! Или хотя бы с серой Приорой. С одной стороны Наталье было жалко Костю. С другой она понимала, что будь парень немного менее самоуверенным, он разглядел бы, что никакой любви между ними нет и быть не может. И его животное влечение в скором времени поутихло бы. Но Костя словно банный лист привязался, поставил себе цель хотя бы на одну ночь заполучить вожаемую женщину. Он смотрел на Наталью исключительно как на трофей, труднодоступный и очень дорогой. Трофей, который приведет его к Кладу. И Клад предстоит открыть вполне себе реальным серебряным ключиком. Он хотел всего самого лучшего: и Наталью, и ее особняк в Ольховке, и машину собирался купить немного себе не по статусу. Комплексы... И эти комплексы настолько затмили разум Попкова, что он не замечал, насколько скучно с ним его девушке.

– Гони помедленней, мне пиво выбросить надо!

– С чего это ты озаботился скоростью? – холодно поинтересовалась Наталья.

– Ну как, а то в чью-нибудь любовуху попаду.

– А ты сразу в фуру меть! – девушка ответила на его прикол своей шуткой. – Про меня дальнющей уже легенды рассказывает, теперь и про тебя начнет.

Так и ехали бы они еще сутки, словно кошка с собакой в одной переноске. Или Наталья бы вышвырнула тошнотворного жениха на какой-нибудь парковке для фур. Но что-то держало их вместе. Девушку – страх остаться одной на дороге. Парня – лишиться внезапного гипотетического наследства. Но жизнь преподнесла им первую проверку на прочность.

Ничего не сулило неприятностей, когда добрая душа Наталья остановилась рядом с мигавшей аварийной сигнализацией красной малолитражкой. Невысокая брюнетка в норковом полушубке, ёжилась рядом с машиной, дуя на замерзшие руки. Девчонка готова была рыдать, ведь ее пучеглазый Матиз отказал посреди бескрайней степи Оренбуржья. Короткий зимний день уже заканчивался: тусклое оранжевое солнце, окруженное радужным ореолом морозного сияния, висело совсем низко над горизонтом. Еще час-другой, и степь погрузится в непроглядную тьму, мороз окрепнет, и девушка имеет все шансы заледенеть здесь на трассе. Как не остановиться, как не постараться помочь.

Но только Наталья, широкая русская душа, выскочила из машины, девушка мигом отогрелась и запрыгнула за заднее сиденье Матиза, зато с водительского места поломанной малолитражки вывалился парнишка, худой и помятый. От него воняло табаком едва ли не сильнее, чем от Кости. Внезапный персонаж сплюнул под ноги, перекинул битую через плечо. Чувство опасности тут же приказало Наталье прыгать обратно в салон, но дрожащие пальцы предательски не попадали на кнопку закрытия замка. Зато Костя, завидев неприятность, взял аккуратно припрятанную им в начале путешествия за пассажирским сиденьем битую, и вылез из машины.

– Бить! – слотнул разбойник с дороги и попятился...

Видать, никак не ожидал он увидеть в остановившейся машине мужчину.

– Чё, кишка тонка? – рывкнул Костя и тоже сплюнул окурок под ноги. – Тачка сломалась, да? И моментально починилась, ага?

– С...с...свечи с...с...сдохли, – заикаясь, мямлил неудавшийся разбойник, с ужасом глядя на более увесистую, чем его собственная, битую.

– Это ты сдох, х... сос поганый, а не свечи твои долбанные, – огрызнулся Константин, – только попробуй мою бабу тронуть, разможжу об трассу, сопляк. Сел, поехал...

Он одарил разбойника таким пугающим взглядом, что тот поспешил поскорее ретироваться в машину поделницы. А Костя... как только он залез обратно в салон, Наталья дала по газам. Ехали она дальше молча. Почти час у девушки тряслись руки. Она понимала, что теперь должна своему парню. Надо ж было так наивно остановиться и разжалобиться. Не раз друзья предупреждали ее о подобных инсценировках на трассе. Стоило ей отъехать от родного дома почти на тысячу километров, и она попала в топорно расставленную ловушку. Надо признаться самой себе, что если бы не Костя и его зловещий взгляд да многоэтажный мат, осталась бы Наталья без денег, документов, а возможно и еще без чего-нибудь дорогого ее душе и сердцу. Она крепко сжала в кулак ключ, который повесила себе на шею. Главное – не лишиться старинного наследства.

Самара встретила путешественников ночной иллюминацией и красивейшими подсветками по всему городу. Как жаль, страдала Наталья, что она не увидит этот город днем. Зато Константин начал ненавязчиво предлагать остановиться в какой-нибудь гостинице.

– Не забывай, ты мне теперь должна, дорогая, – не переставал намекать он.

– Учти, – наконец, холодно ответила девушка, – честь свою отдам только в конце нашего путешествия, как бы ты ни старался... и только после благословления.

– Ты что, фригидная? – возмутился парень.

– Хотя нет, – кокетничала Воронова, – могу и раньше, если Константин Попков покорит мое сердце своими интеллигентными манерами и прекратит курить и материться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.